

1001 ночь.

Рассказ о Маруфе-башмачнике

[Рассказ о Маруфе-башмачнике, ночи 989-994](#)

[Рассказ о Маруфе-башмачнике, ночи 995-1001](#)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Мисре-Охраняемом [681] один башмачник, который ставил заплатки на старые сапоги. Его имя было Маруф, и у него была жена по имени Фатима, а по прозванию ведьма, и прозвали ее так потому, что она была нечестивая злодейка, бесстыдница и смутьянка.

И она властвовала над своим мужем, и каждый день ругала его и проклинала тысячу раз; а он страшился ее злобы и боялся ее вреда, так как он был человек умный и стыдился за свою честь. Но он был беден, и когда зарабатывал много, тратил все на нее, а когда он зарабатывал мало, жена вымещала это на его теле в ту же ночь, и лишала его здоровья, и делала его ночь такой же черной, как страница ее грехов. И была она подобна той, о ком поэт сказал:

Как много я ночей проспал близ жены

В сквернейшем состоянье провел их!

О, если бы, когда я входил к жене,

Принес я яду и отравил ее.

В числе того, что случилось у этого человека с его женой, было вот что. Однажды она сказала ему: "О Маруф, я хочу, чтобы ты сегодня вечером принес мне кунафу [682] с пчелиным медом", И Маруф молвил: "Аллах великий поможет мне заработать ее цену, и я принесу тебе сегодня вечером. Клянусь Аллахом, нет у меня сегодня денег, но господь наш облегчит это дело". И Фатима воскликнула: "Я не знаю таких слов..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девяност девяности

Когда же настала ночь, дополняющая до девяност девяности, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Маруф-башмачник сказал своей жене: "Аллах поможет мне заработать ее цену, и я принесу ее тебе сегодня вечером. Клянусь Аллахом, нет у меня сегодня денег, но господь наш облегчит". И Фатима воскликнула: "Я не знаю таких слов "облегчит" или "не облегчит!" Но не приходи ко мне без кунафы, я сделаю твою ночь такой же, каким было твое счастье, когда ты на мне женился и попался мне в руки". – "Аллах великодушен", – сказал Маруф. А потом этот человек вышел, и забота капала с его тела.

Он совершил утреннюю молитву, и открыл лавку, и сказал: "Прошу тебя, о владыка, послать мне сегодня цену этой кунафы и избавить меня от злобы этой нечестивой на сегодняшнюю ночь".

И он просидел в лавке до полудня, но работа не пришла к нему, и усилился в нем страх перед женой.

И Маруф поднялся и запер лавку, не зная, как быть с кунафой, так как ему нечем было платить за хлеб.

И он прошел мимо лавки торговца кунафой и остановился, смущенный, и глаза его наполнились слезами. И кунафщик заметил его и сказал: "О мастер Маруф, чего ты плачешь? Расскажи мне, что тебя поразило".

Маруф рассказал ему свою историю и сказал: "Моя жена жестокосердая, и она потребовала от меня кунафы, и я просидел в лавке, пока не прошло полдня, и не пришла ко мне даже цена хлеба, и я боюсь моей жены". И кунафщик засмеялся и сказал: "С тобой не будет беды! Сколько ты хочешь купить кунафы?" – "Пять ритлей" – сказал Маруф. И кунафщик отвесил ему пять ритлей и сказал: "Топленое масло у меня есть, но у меня нет пчелиного меда, а есть только тростниковый мед. Он лучше, чем пчелиный мед, и что за беда, если кунафа будет с тростниковым медом?"

И Маруфу стало стыдно, так как кунафщик должен был ждать платы. И он сказал ему: "Давай кунафы с тростниковым медом". И кунафщик изжарил ему кунафу на масле и вымочил ее в тростниковом меду, и она стала подарком для царей.

А потом кунафщик сказал: "Не нужно ли тебе хлеба и сыру?" – "Да", сказал Маруф. И кунафщик дал ему на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, а кунафы было на десять полушек, и сказал: "Знай, о Маруф, что за тобой будет пятнадцать полушек. Иди к своей жене и доставь себе удовольствие, а эту полушку возьми на баню; и тебе будет отсрочка – день, два или три, пока не наделит тебя Аллах. И не притесняй твоей жены, – я буду ждать, пока у тебя останутся деньги сверх расходов".

И Маруф взял кунафу, хлеб и сыр и ушел, благословляя кунафщика, и он шел с залеченным сердцем и говорил: "Слава тебе, о господи! Как ты великодушен!"

И потом он вошел к своей жене, и та спросила: "Ты принес кунафу?" И Маруф ответил: "Да". И положил ее перед ней. И Фатима взглянула на кунафу и, увидев, что она с тростниковым медом, сказала: "Разве я не говорила тебе: принеси ее с пчелиным медом? Ты поступаешь наперекор моему желанию и приносишь ее с тростниковым медом".

И Маруф извинился перед ней и сказал: "Я ее купил с отсрочкой уплаты". И его жена воскликнула: "Это пустые слова! Я буду есть кунафу только с пчелиным медом". И она рассердилась из-за кунафы, и ударила ею Маруфа по лицу, и сказала: "Поднимайся, о сводник, принеси мне другую!" А потом она ударила его кулаком по челюсти и выбила ему один из его зубов, и кровь потекла у него по груди.

И от сильного гнева Маруф ударил жену одним легким ударом по голове, и тогда Фатима схватила его за бороду и стала кричать и говорить: "О мусульмане!" И соседи вошли и освободили его бороду из ее руки, и напали на нее с упреками, и начали ее стыдить, говоря: "Все мы охотно едим кунафу, которая с тростниковым медом. Что это за жестокость с этим бедным человеком? Это позор для тебя". И они до тех пор уговаривали Фатиму, пока не помирили ее с Маруфом, но после ухода людей она поклялась, что не съест этой кунафы нисколько.

А Маруфа сжигал голод, и он сказал про себя: "Она поклялась, что не будет есть кунафы, так я ее съем". И начал есть, и когда Фатима увидела, что он ест, она стала говорить: "Если захочет Аллах, то, что ты съел, будет ядом и сгноит твое тело". – "Не будет так, как ты говоришь, – сказал Маруф и ел, и смеялся, говоря: "Ты поклялась, что не будешь есть эту кунафу, но Аллах велик и великодушен, и если захочет Аллах, я завтра вечером принесу тебе кунафу с пчелиным медом, и ты съешь ее одна".

И он начал ее успокаивать, а она его проклинала, ругала и бранила до утра. А когда наступило утро, она засучила рукава, чтобы побить Маруфа, и Маруф сказал ей: "Дай срок, и я принесу тебе другую кунафу". И он пошел в мечеть, помолился, и отправился в лавку, и открыл ее, и сел, и не успел он в ней усесться, как пришли двое от кади и сказали: "Вставай поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и облик у нее такой-то и такой-то". И Маруф узнал, что это Фатима, и сказал: "Аллах великий да испортит ей жизни!" А потом он пошел с этими людьми и вошел к кади и увидел, что его жена завязала себе руку и ее покрывало выпачкано в крови, и женщина стоит, и плачет, и вытирает слезы.

И кади сказал ему: "О человек, разве ты не боишься Аллаха великого? Почему ты бьешь эту женщину, и сломал ей руку, и выбил ей зуб, и делаешь с ней такие дела?" И Маруф воскликнул: "Если я ее побил или выбил ей зуб, суди меня, как желаешь, но дело было так-то и так-то, и соседи помирили меня с ней!" И он рассказал кади всю историю с начала до конца. А этот кади был из добрых людей, он вынул четверть динара и сказал Маруфу: "О человек, возьми это и сделай ей кунафу с пчелиным медом и помирись с ней". И Маруф сказал: "Отдай деньги ей". И Фатима взяла деньги, и кади помирил их и сказал: "О женщина, слушайся твоего мужа. А ты, человек, обращайся с ней ласково".

И Маруф с Фатимой вышли, помирившись с помощью кади, и женщина пошла по одной дороге, а ее муж пошел по другой дороге, к себе в лавку, и сел.

И вдруг посланные кади пришли к нему и сказали: "Дай нам нашу плату". И Маруф воскликнул: "Кади ничего с меня не взял; наоборот, он дал мне четверть динара!" Но посланные сказали: "Нас не касается, дал тебе кади или взял с тебя, и если ты не дашь нам нашу плату, мы возьмем ее у тебя силой". И они потащили его по рынку. И Маруф продал свои инструменты и дал им полдинара, и они отступились от него, а Маруф приложил руку к щеке и сидел печальный, так как у него не было инструментов, чтобы работать.

И когда он сидел, вдруг подошли к нему два человека, безобразные видом, и сказали: "Поднимайся, о человек, поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя". – "Кади помирил меня с ней", – ответил Маруф. Но эти люди сказали ему: "Мы от другого кади: твоя жена пожаловалась на тебя нашему кади".

И Маруф поднялся, прося Аллаха о помощи против своей жены, и, увидев Фатиму, он сказал: "Разве мы не помирились, о дочь честного?"

И Фатима воскликнула: "Не будет между мной и тобой мира!" И тогда Маруф выступил вперед и рассказал кади свою историю и сказал: "Кади такой-то только что помирил нас". И кади воскликнул: "О распутница, раз вы помирились, чего же ты приходишь мне жаловаться?" – "Он еще раз побил меня после этого", – сказала Фатима. И кади молвил: "Помиритесь; и не бей ее больше, а она больше не будет тебе перечить".

И Маруф с женой помирились, и кади сказал ему: "Дай посланным их плату". И Маруф дал посланным их плату и отправился в лавку, и открыл ее, сел там, и был он точно пьяный от горя, которое его постигло.

И когда он так сидел, вдруг подошел к нему человек и сказал: "О Маруф, иди спрячься, твоя жена пожаловалась на тебя высшему двору, и к тебе идет Абу-Табак" [683]. И Маруф поднялся и, заперев лавку, побежал в сторону Ворота Победы. А у него осталось пять полушек серебра от платы за колоды и инструмент, и он купил на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, убегая от Фатимы, и было это во время зимы, после полудня.

И когда Маруф вышел на свалку, на него полил дождь, точно из бурдюков, и его одежда промокла. Он вошел в аль-Адилию [684] и увидел разрушенное помещение, где была заброшенная кладовая без дверей, и вошел туда, чтобы спрятаться от дождя, и его одежда была пропитана водой.

И слезы потекли из-под его век, и он был подавлен тем, что с ним случилось, и говорил: "Куда я убегу от этой распутницы? Прошу тебя, о господь мой, пошли мне когонибудь, кто уведет меня в далекие страны, куда ко мне не будут знать дорогу".

И когда он сидел и плакал, стена вдруг расступилась, и к нему вышло из стены существо высокого роста, от вида которого волосы вставали дыбом на теле, и сказала: "О человек, почему ты потревожил меня сегодня вечером? Я живу в этом месте уже двести лет и не видел, чтобы кто-нибудь входил сюда и делал то, что ты делаешь. Расскажи мне, каково твое намеренье, и я исполню твою нужду, – мое сердце взяла жалость к тебе". "Кто ты и что такое ты будешь?" – спросил Маруф. И существо ответило: "Я обитатель этого места".

И тогда Маруф рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и дух спросил: "Хочешь, я доставлю тебя в страну, куда твоя жена не найдет к тебе дороги?"

"Да", – ответил Маруф. И дух сказал: "Садись мне на спину". И Маруф сел, и дух понес его, и летел с ним от наступления ночи до восхода зари, и опустился на вершину высокой горы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто первая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что марид понес Маруфа-башмачника, и полетел с ним, и спустился на вершине высокой горы, и сказал: "О человек, спустись с этой горы, и увидишь окрестности города. Войди туда, – твоя жена не будет знать к тебе дороги, и ей невозможно до тебя добраться".

И он оставил его и исчез; и Маруф сидел озадаченный и смущенный, пока не взошло солнце, и тогда он сказал себе: "Встану и спущусь туда, в город, – в том, чтобы сидеть здесь, нет никакой пользы".

И он спустился к подножию горы и увидел город с высокими стенами и дворцами, уходящими ввысь, и богато украшенными строениями, и этот город был усладой смотрящих.

И Маруф вошел в городские ворота и увидел, что этот город веселит опечаленное сердце. И когда он шел по рынку, люди смотрели на него и разглядывали его, и они все собрались вокруг Маруфа, дивясь на его одежду, так как его одежда не была похожа на их одежду. И один человек из жителей города спросил его: "О человек, ты чужеземец?" И Маруф ответил: "Да". – "Из какой ты страны?" – спросил этот человек. И Маруф ответил: "Из города Мисра-счастливого". И тот человек спросил: "Давно ли ты его покинул?" – "Вчера после полудня", – ответил Маруф. И человек засмеялся и сказал: "О люди, пойдите посмотрите на него и послушайте, что он говорит!" – "А что он говорит?" – спросили люди. И тот человек сказал: "Он утверждает, будто он из Мисра и вышел оттуда вчера после полудня".

И все засмеялись, и люди собрались вокруг Маруфа и сказали: "О человек, ты бесноватый, если говоришь такие слова. Как ты утверждаешь, будто покинул Миср вчера после полудня, а утром оказался здесь? Дело в том, что между нашим городом и Мисром расстояние целого года пути". – "Нет бесноватых, кроме вас, – сказал Маруф, – а что до меня, то я правдив в моих словах. Вот хлеб из Мисра, он еще свежий". И он показал людям хлеб, и все начали его разглядывать, дивясь на него, так как он не был похож на хлеб их страны.

И люди во множестве столпились вокруг Маруфа и стали говорить друг другу: "Вот хлеб из Мисра, посмотрите на него". И Маруф стал знаменит в этом городе, и некоторые люди верили ему, а некоторые не верили и смеялись над ним.

И когда это было так, вдруг подъехал к ним верхом на муле купец, сзади которого было два раба, и он рассеял толпу и сказал: "О люди, разве вам не стыдно, что вы собрались около этого чужеземца и издеваетесь над ним и смеетесь? Что вам за дело до него?" И он до тех пор ругал людей, пока не прогнал их от Маруфа, и никто не мог дать ему ответа. А потом он сказал: "Пойди сюда, о брат мой! Тебе не будет зла от этих людей, у которых нет стыда". И он взял Маруфа, и привел его в просторный и разукрашенный дом, и посадил на царственное сиденье, а потом он отдал приказ рабам, и те открыли сундуки и вынули одежду купца-тысячника, и купец одел Маруфа в эту одежду. А Маруф был человек видный, и стал он подобен начальнику купцов.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Потом этот купец потребовал скатерть, и перед ними разложили скатерть со всевозможными роскошными блюдами из всяких кушаний, и они с Маруфом поели и попили. А затем купец спросил Маруфа: "О брат мой, как твое имя?" И Маруф ответил: "Мое имя Маруф, а по ремеслу я башмачник и кладу заплатки на старые сапоги". – "Из какой ты страны?" – спросил купец. И Маруф ответил: "Из Мисра". – "Из какого квартала?" – спросил купец. "Разве ты знаешь Миср?" – спросил в свою очередь Маруф. И купец ответил: "Я из его уроженцев". И тогда Маруф сказал: "Я с Красной улицы". – "А кого ты знаешь на Красной улице?" – спросил купец. И Маруф оказал: "Такого-то и такого-то", – и перечислил ему много людей.

И тогда купец спросил: "Знаешь ли ты шейха Ахмеда, москательщика?" И Маруф ответил: "Это мой сосед, стеной к стене". – "Что он, здоров?" спросил купец. И Маруф ответил: "Да". Тогда купец опять спросил: "А сколь ко у него детей?" – "Трое: Мустафа, Мухаммед и Али", – ответил Маруф. И купец спросил: "Что сделал Аллах с его детьми?" – "Мустафа, – ответил Маруф, – здоров, и он ученый, преподаватель, а Мухаммед – москательщик, и он открыл себе лавку рядом с лавкой своего отца, после того как женился и жена родила ему сына по имени Ха сан". – "Да порадует и тебя Аллах благой вестью!" – вое кликнул купец, И Маруф продолжал: "Что же касается Али, то он был мне товарищем, когда мы были маленькие, и я постоянно играл с ним. Мы ходили в одежде христианских детей и входили в церковь, и воровали книги христиан, и продавали их, а на вырученные деньги покупали себе еду; и как то раз случилось, что христиане увидели нас, и схватили с книгой, и пожаловались нашим родным, и сказали отцу Али: "Если ты не удержишь своего сына от вреда нам, мы пожалуемся на тебя царю". И отец Али успокоил их и задал ему порку, и по этой причине Али убежал, и с того времени отец не знал к нему дороги. Он исчез двадцать лет назад, и никто не знает о нем вестей".

"Это я – Али, сын шейха Ахмеда, москательщика, а ты – мой товарищ, о Маруф!" – воскликнул купец. И они приветствовали друг друга. А после приветствия купец сказал: "О Маруф, расскажи мне о причине твоего прихода из Мисра в этот город". И Маруф рассказал ему о своей жене Фатиме, ведьме, и о том, что она с ним сделала, и сказал: "Когда ее обиды стали для меня слишком тяжелыми, я убежал от нее в страну Ворот Победы, и на меня полил дождь, и я вошел в заброшенную кладовую в альАдили и сидел там и плакал, и вышел ко мне обитатель того места, – а это ифрит из джиннов, – и спросил меня, что со мной, и я рассказал ему о моем положении, и тогда он посадил меня к себе на спину и всю ночь летел со мной между небом и землей, а потом поставил меня на гору и рассказал мне про этот город. И я спустился с горы и вошел в город, и люди собрались вокруг меня и стали меня спрашивать. И я сказал им: "Я вчера вышел из Мисра". И они мне не поверили, и пришел ты, и отогнал от меня людей, и привел меня в этот дом. Вот причина моего ухода из Мисры. А ты – какова причина твоего прихода сюда?"

И купец отвечал ему: "Меня одолело безрассудство, когда мне было восемь лет, и с того времени я ходил из селения в селение и из города в город, пока не пришел в этот город, и называется он Ихтиян аль-Хатан. Я увидел, что его жители – благородные и великодушные люди и у них есть жалость, и узнал, что они доверяют бедняку и дают ему в долг и верят всему, что он говорит. И тогда я сказал им "Я купец, и я определил мою поклажу, и мне нужно место, куда сложить поклажу". И они поверили мне и освободили мне место. И я сказал им: "Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто бы мне одолжил тысячу динаров, пока не придет моя поклажа, и тогда я верну ему то, что у него взял, – мне нужны некоторые вещи до прибытия моей поклажи". И они дали мне сколько я хотел, и я пошел на рынок купцов, и увидел там некоторые товары, и купил их, а на следующий день я их продал и нажил пятьдесят динаров и купил других вещей. И я начал дружить с людьми и оказывать им уважение, и они полюбили меня, и я продавал и покупал, и мои деньги умножились. Знай, о брат мой, что говорит сказавший поговорку: "Вся земная жизнь – бахвальство и хитрости, и в стране, где тебя никто не знает, делай что хочешь". Если ты будешь говорить всякому, кто тебя спросит: "По ремеслу я башмачник, и я бедняк, и убежал от моей жены, и вчера ушел из Мисра", – тебе не поверят, и ты будешь для людей посмешищем, пока останешься в этом городе. А если ты скажешь: "Меня принес ифрит", – все от тебя разбегутся, и никто к тебе не подойдет. И люди будут говорить: "Этот человек одержим ифритом, и со всяким, кто к нему приблизится, случится беда". И такая слава будет дурной для тебя и для меня, так как они знают, что я из Мисра".

"Что же мне делать?" – спросил Маруф. И купец сказал ему: "Я научу тебя, как сделать, если захочет великий Аллах. Я дам тебе завтра тысячу динаров и мула, чтобы ездить на нем, и раба, который пойдет впереди тебя и доведет тебя до ворот рынка купцов. Войди к ним, а я буду сидеть среди купцов, и когда я тебя увижу, я встану и поздороваюсь с тобой, и поцелую тебе руку, и буду возвеличивать твой сан. И всякий раз, как я тебя спрошу о каком-нибудь сорте ткани и скажу тебе: "Привез ли ты с собой сколько-нибудь такого-то сорта?", ты говори: "Много". А если меня о тебе будут спрашивать, я стану тебя расхваливать и возвеличивать в их глазах, а потом скажу: "Наймите ему амбар и лавку", и припишу тебе изобилие богатств и щедрость. Когда же подойдет к тебе нищий, дай ему сколько придется, – и люди поверят моим словам, и убедятся в твоем величии и щедрости, и полюбят тебя.

А потом я тебя приглашу и приглашу ради тебя всех купцов и сведу тебя с ними, чтобы они все тебя знали и ты бы их знал..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что купец Али говорил Маруфу: "Я приглашу тебя и приглашу ради тебя всех купцов и сведу тебя с ними, чтобы они все тебя знали и ты бы их знал, для продажи и покупки, и брал у них, и отдавал. И не пройдет долгий срок, как ты уже станешь обладателем богатства".

И когда наступило утро, купец Али дал Маруфу тысячу динаров, одел его в платье и посадил на мула, и дал ему раба, и сказал: "Да освободит тебя Аллах от ответственности за все это, так как ты мой друг и мне обязательно оказать тебе уважение. Не обременяй себя заботой и брось думать о том, что было у тебя с твоей женой, и не говори о ней никому". И Маруф воскликнул: "Да воздаст тебе Аллах благом!" – а потом он сел на мула, и раб шел перед ним, пока не довел его до ворот рынка купцов, и все купцы сидели там, и купец Али сидел среди них.

И, увидев Маруфа, он поднялся, и бросился к нему, и сказал: "Благословенный день, о купец Маруф, о обладатель блага и милости!" А потом он поцеловал ему руку перед купцами и сказал: "О братья, купец Маруф обрадовал нас своим приходом". И все купцы приветствовали его, и Али делал им знаки, чтобы они выразили ему уважение, а Маруф стал великим в их глазах; а затем Али свел его со спины мула, и купцы приветствовали его, и Али уединялся то с одним, то с другим из них и расхваливал Маруфа.

И его спрашивали: "Это купец?" И он говорил: "Да. Вернее – это самый большой из купцов, и не найдется никого богаче, так как его богатства и богатства его отца и предков знамениты среди купцов Мисра. У него есть товарищи в Индии, Синде и Йемене, и в отношении щедрости он стоит на великой ступени. Знайте же его сан, возвышайте его место и служите ему. Да будет вам известно, что он прибыл в этот город не для торговли, и у него нет другой цели, как посмотреть на чужие страны, – ему не нужно ездить на чужбину для прибыли и наживы, так как у него столько денег, что их не пожрут огни, и я – один из его слуг".

И Али до тех пор расхваливал Маруфа, пока купцы не вознесли его выше головы и не стали рассказывать друг другу его достоинства. А затем они собрались подле него и начали предлагать ему угощения и напитки, и даже начальник купцов подошел к нему и приветствовал его.

И купец Али говорил Маруфу в присутствии других купцов: "О господин, может быть, ты привез с собой сколько-нибудь такой-то ткани?" И Маруф отвечал: "Много!"

(А в эти дни Али показал ему всякие драгоценные ткани и научил его названиям тканей, дорогих и дешевых.)

И один купец спросил Маруфа: "О господин мой, ты привез желтого сукна?" И Маруф ответил: "Много!" И купец спросил: "А красного, как кровь газели?" И Маруф ответил: "Много!" И всякий раз, как он спрашивал его о чем-нибудь, Маруф отвечал: "Много!"

И тогда этот купец сказал: "О купец Али, если бы твой земляк захотел привезти тысячу тюков дорогих тканей, он бы привез их?" И Али ответил: "Он бы привез их из одной кладовой в числе своих кладовых, и там бы ничего не уменьшилось".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда они сидели, вдруг стал обходить купцов нищий, и одни подали ему серебряную полушку, а другие подали джедид, но большинство из них не дало ему ничего.

А когда нищий дошел до Маруфа, тот захватил горсть золота и дал ее нищему, и нищий пожелал ему блага и ушел; и купцы удивились и сказали: "Это подарок царей, – он ведь дал нищему золота без счета, и если бы он не был из людей с большим состоянием и у него не было бы всего много, он не подал бы нищему горсть золота".

А через некоторое время подошла к Маруфу бедная женщина, и он захватил горсть золота и дал ей, и она ушла, благословляя его, и рассказала об этом другим беднякам, и они стали подходить к нему один за другим, и всякий раз, как они к нему подходили, Маруф брал горсть золота и подавал, пока не израсходовал всю тысячу динаров.

А после этого он ударил рукой об руку и воскликнул: "Достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель!" И начальник купцов спросил его: "Что с тобой, о купец Маруф?" И Маруф сказал: "Похоже, что большинство жителей этого города – бедняки и нищие. Если бы я знал, что это так, я бы привез в седельном мешке немного денег и подарил бы их бедным. Я боюсь, что мое пребывание на чужбине продлится, а мне свойственно не отказывать нищему. Но у меня не осталось золота, и когда подойдет ко мне бедняк, что я ему скажу?" – "Скажи ему: "Аллах тебя наделит", – молвил начальник купцов. И Маруф воскликнул: "Не таков мой обычай, и одолели меня по этой причине заботы. Я хотел бы иметь тысячу динаров, чтобы подавать милостыню, пока не придет моя поклажа".

И начальник купцов сказал: "Не беда!" И послал когото из своих слуг, и тот принес ему тысячу динаров, и он отдал их Маруфу. И Маруф подавал каждому, кто проходил мимо него из бедных, пока не раздался призыв к полуденной молитве. И люди вошли в мечеть и совершили полуденную молитву, и то, что у него осталось от тысячи динаров, Маруф разбросал над головами молящихся, и тогда люди обратили на него внимание и стали его благословлять, а купцы дивились его великой щедрости и тароватости.

И потом Маруф обратился к другому купцу и, взяв у него тысячу динаров, роздал их, а купец Али смотрел на его поступки и не мог ничего сказать.

И Маруф делал так, пока не раздался призыв к предзакатной молитве, и тогда он вошел в мечеть, и помолился, и роздал остаток денег. И не заперли еще ворот рынка, как он уже взял пять тысяч динаров и роздал их, и всякому, у кого он что-нибудь брал, он говорил: "Когда придет моя поклажа, если ты захочешь золота, я тебе дам, а если захочешь тканей, я тебе дам, – у меня много".

А к вечеру купец Али пригласил Маруфа к себе и пригласил с ним всех купцов и посадил его на почетное место, и тот разговаривал только о тканях или драгоценных камнях, и всякий раз, когда ему что-нибудь называли, он отвечал: "У меня этого много".

А на следующий день Маруф отправился на рынок и стал обращаться к купцам, и брать у них деньги и раздавать их беднякам, и он поступил таким образом двадцать дней, пока не взял у людей шестьдесят тысяч динаров, – и к нему не пришла ни поклажа, ни жгучая чума [685].

И люди стали шуметь о своих деньгах и сказали: "Не пришла поклажа купца Маруфа! До каких же пор он будет брать у людей деньги и отдавать их нищим?" И один из купцов сказал: "Правильно будет нам поговорить с его земляком, купцом Али". И они пришли к нему и сказали: "О купец Али, поклажа купца Маруфа не пришла". И Али сказал: "Подождите, она обязательно скоро придет". А потом он остался наедине с Маруфом и сказал ему: "О Маруф, что это за дела? Что я тебе говорил: "подрумянь хлеб" или "сожги его?" Купцы шумят о своих деньгах, и они мне сказали, что им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров, которые ты взял и роздал нищим. Чем же ты заплатишь долги людям, когда ты не продаешь и не покупаешь?" "А что такое случилось, – сказал Маруф, – и что за количество – шестьдесят тысяч динаров? Когда поклажа придет, я им отдам; если они хотят тканями, а если хотят – золотом и серебром". – "Аллах велик! – воскликнул купец Али. – Разве у тебя есть поклажа?" – "Много!" – отвечал Маруф. И Али воскликнул: "Аллах и его приспешники пусть воздадут тебе за твою мерзость! Разве я учил тебя этим словам, чтобы ты говорил их мне? Я расскажу о тебе людям!" – "Ступай без долгих разговоров, – сказал Маруф. – Разве я бедняк? В моей поклаже всего много, и когда она придет, они возьмут свои вещи, за динар-два, и я в них не нуждаюсь".

И тогда купец Али рассердился и воскликнул: "О маловоспитанный, я тебе покажу, как мне врать, не стыдись!" И Маруф сказал: "Что сумеешь, то и сделай, а они подождут, пока придет моя поклажа, и получат свое добро с избытком".

И купец Али оставил его и ушел, говоря в душе: "Я раньше его расхваливал, и если я теперь стану его хулить, то окажусь лгунам, и ко мне подойдут слова сказавшего: "Кто похвалил, а потом осудил, тот солгал два раза".

И купец Али рассердился и не знал, что делать. А потом купцы пришли к нему и спросили: "О купец Али, ты с ним разговаривал?" И он сказал им: "О люди, мне перед ним стыдно! У него тысяча динаров моих денег, и я не могу с ним о них говорить. А когда вы ему давали, вы не советовались со мной, и мне нечего о нем с вами разговаривать. Требуйте с него, а если он вам не отдаст, пожалуйста на него царю этого города и скажите ему: это плут, который сплутовал с нами, – и царь освободит вас от него".

И купцы пошли к царю и рассказали ему о том, что случилось, и сказали: "О царь времени, мы не знаем, что нам делать с этим купцом, щедрость которого так велика. Он делает то-то и то-то и все, что берет, раздает беднякам горстями. Если бы он имел мало, его душа не позволяла бы ему брать золото горстями и раздавать его бедным, а если бы он был из людей богатых, правдивость его стала бы нам ясна с приходом его поклажи. Но мы не видим у него поклажи, хотя он утверждает, будто у него есть поклажа, которую он опередил, и всякий раз, как мы называем ему какой-нибудь сорт из сортов материи, он говорит: "Его у меня много!" Прошел уже долгий срок, а об его поклаже нет никаких вестей, и нам с нею следует шестьдесят тысяч динаров, и все это он роздал беднякам". И они стали расхваливать Маруфа и прославлять его щедрость.

А этот царь был жадюга, жаднее Ашаба [686], и когда он услышал о великодушии и щедрости Маруфа, им овладела жадность, и он сказал: "Если бы у этого купца не было много денег, он бы не проявил всей этой щедрости. Его поклажа обязательно прибудет! И эти купцы соберутся у него, и он раздаст им много денег. Я имею больше прав, чем они, на эти деньги, и я хочу завязать с ним дружбу и подружиться с ним, пока не пришла его поклажа. И то, что взяли бы от него эти купцы, возьму я. Я женю его на моей дочери и присоединю его деньги к моим деньгам".

И везирь царя сказал ему: "О царь времени, я думаю, что он плут, а плут разрушает дом жадного..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто третья ночь

Когда же настала девятьсот девяносто третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь царя сказал ему: "Я думаю, что он плут, а плут разрушает дом жадного", – и царь молвил: "О везирь, я его испытаю и узнаю, плут ли он, или говорит правду, и воспитан ли он в богатстве, или нет". – "Чем же ты его испытываешь?" – спросил везирь; и царь сказал: "У меня есть драгоценный камень. Я пошлю за этим купцом и призову его к себе, и когда он сядет, окажу ему уважение и дам ему этот камень: и если он узнает, какой это камень и узнает его цену – значиг, он обладатель благ и богатства; а если он его не узнает – то он плут и выскочка, и я убью его наихудшим образом".

И затем царь послал за Маруфом и призвал его к себе, и Маруф, войдя, приветствовал его, и царь возвратил ему приветствие, и посадил его с собой рядом, и спросил: "Ты ли купец Маруф?" – "Да", – ответил Маруф. И царь молвил: "Купцы утверждают, будто им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров. Правда ли то, что они говорят?" – "Да", – ответил Маруф. И царь опросил: "Почему же ты не отдаешь им деньги?" – "Они подождут, пока прибудет моя поклажа, и я отдам им за один динар – два, и если они захотят золота – я им дам, и если захотят

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

серебра – я им дам, и если захотят товаров – я тоже им дам, – ответил Маруф. – Кому следует тысяча, я дам две, – за то, что он защитил мою честь перед бедняками; у меня всего много".

А потом царь сказал ему: "О купец, возьми этот камень и посмотри, какого он сорта и какая ему цена". И он дал ему камень величиной с орешек (а царь купил его за тысячу динаров, и у него не было другого такого камня, и он дорожил им). И Маруф взял его в руку, и сжал большим и указательным пальцем, и сломал, – так как драгоценный камень тонок и не выносит давления.

"Зачем ты сломал этот драгоценный камень?" – спросил его царь. И Маруф засмеялся и сказал: "О царь времени, это не драгоценный камень – это кусок металла, который стоит тысячу динаров. Как же ты говоришь про него, что это драгоценный камень? Драгоценному камню цена семьдесят тысяч динаров, а это называется: кусок металла. Драгоценные камни, которые не будут величиной с лесной орех, не имеют для меня цены, и я ими не занимаюсь. Как ты можешь быть царем и называть это драгоценным камнем, когда это кусок металла, которому цена тысяча динаров? Но вам простительно: вы бедняки, и у вас нет сокровищ, имеющих цену". – "О купец, – спросил его царь, – а у тебя есть драгоценные камни, про которые ты рассказываешь?" – "Много", – отвечал Маруф. И царя одолела жадность, и он спросил: "А ты дашь мне настоящих драгоценных камней?" – "Когда придет моя поклажа, ответил Маруф, – я дам тебе много, и чего бы ты ни потребовал, у меня много и я дам тебе все бесплатно". И царь обрадовался и сказал купцам: "Уходи своей дорогой и подождите, пока не придет его поклажа, И тогда приходите и возьмите ваши деньги от меня". И купцы ушли.

Вот что было с Маруфом и купцами. Что же касается царя, то он обратился к везиру и сказал ему: "Обласкай купца Маруфа, и завяжи с ним разговор, и скажи ему яро мою дочь, чтобы он на ней женился и мы бы заполучили все блага, которые у него есть". – "О царь времени, – отвечал везирь, – поведение этого человека мне не нравится, и я думаю, что он плут и лгун. Брось же эти слова, чтобы твоя дочь не пропала ни за что".

А этот везирь раньше просил царя женить его на своей дочери, и царь хотел выдать ее за него замуж, но когда это дошло до царевны, она не согласилась.

И царь сказал везиру: "О обманщик, ты не хочешь мне добра, потому что ты раньше сватался к моей дочери и она не согласилась выйти за тебя замуж, и теперь ты пресекаешь путь к ее замужеству и хочешь, чтобы моя дочь осталась, как земля под паром, и ты взял бы ее сам. Выслушай же от меня такое слово: нет тебе касательства к этим делам. Как он может быть плутом и лгуном, когда он узнал цену этого драгоценного камня – ту, за которую я его купил, и сломал его, так как он ему не понравился? У него много драгоценных камней, и когда он войдет к моей дочери, то увидит, что она красива, и она отнимет у него разум, и он полюбит ее и даст ей драгоценных камней и сокровищ. А ты желаешь лишить мою дочь и меня этих благ".

И везирь промолчал, боясь гнева царя, и сказал в душе: "Натравливай собак на быков!" А затем он обратился к купцу Маруфу и сказал ему: "Его величество царь полюбил тебя, и у него есть дочь, красивая и прелестная, на которой он хочет тебя женить. Что ты скажешь?" – "Это недурно, – отвечал Маруф, – но пусть он подождет, пока придет моя поклажа: приданое за царских дочерей обильно, и сан их таков, что за них дают только приданое, подходящее к их положению. А сейчас у меня нет дней. Пусть же царь подождет, пока придет моя поклажа, – у меня добра много. Я обязательно должен раздать за невесту милостыни пять тысяч мешков денег, и мне нужно тысячу мешков, чтобы раздать их нищим и беднякам в вечер, когда я к ней войду, и тысячу мешков, чтобы раздать тем, кто будет идти в шествии, и тысячу мешков, чтобы сделать угощение для военных и для других. Мне нужно сто драгоценных камней, чтобы дать их царевне на утро после свадьбы, и сто драгоценных камней, которые я раздам невольницам и евнухам, – я дам каждому из них камень, чтобы возвысить сан невесты. Мне нужно одеть тысячу голых из бедняков, и не обойтись мне без подаяния, а все это возможно только тогда, когда придет моя поклажа, у меня ведь всего много, тогда я и думать не стану обо всех этих расходах".

И везирь пошел и рассказал царю о том, что говорил Маруф, и царь сказал: "Если он этого хочет, как же ты говоришь про него, что он плут и лгун?" – "Я продолжаю это говорить", – сказал везирь. И царь выругал его, и выбранил, и сказал: "Клянись жизнью моей головы, если ты не оставишь этих речей, я тебя убью! Возвращайся к нему и приведи его ко мне, и я с ним устроюсь".

И везирь пошел к Маруфу и сказал: "Пойди поговори с царем". И Маруф ответил: "Слушаю и повинуюсь!" И затем он пришел к царю, и тот сказал ему: "Не оправдывайся этими оправданиями! Моя казна полна, возьми ключи себе и расходуй все, что тебе нужно. Давай сколько хочешь, одевай бедных и делай что хочешь, – и тебе ничего не будет от дочери и ее невольниц, а когда придет твоя поклажа, сделай своей жене какое хочешь уважение. Мы будем ждать ее приданого, пока не придет твоя поклажа, и между мной и тобой нет никакого различия".

И затем он приказал шейх-аль-исламу написать брачную запись, и тот написал запись царевны с купцом Маруфом, и царь принялся устраивать свадьбу. Он приказал украсить город, и забили в барабаны, и поставили кушанья всевозможных родов, и пришли забавники. А купец Маруф сидел на скамеечке в брачном зале, и к нему приходили забавники, фокусники и плясуны, и мастера диковинных движений и удивительных развлечений, – и он приказывал казначею и говорил: "Принеси золото и серебро! И тот приносил золото и серебро, и Маруф обходил смотрящих, подавал каждому, кто играл, горсть, и он благодетельствовал беднякам и нищим и одевал голых, и была эта свадьба шумная.

И казначей не успевал приносить из казны деньги, а сердце везира чуть не лопалось от злости, но он не мог ничего сказать.

А купец Али удивлялся, что расходуются такие деньги, и говорил купцу Маруфу: "Аллах и его приспешники пусть отомстят твоей голове. Тебе не довольно, что ты погубил деньги купцов, и ты губишь деньги царя". И купец Маруф отвечал ему: "Это тебя не касается. Когда придет поклажа, я все возьму".

И он начал разбрасывать деньги и говорил про себя: "Жгучая чума! [687] Что будет то будет, и от того, что predetermined, не убежишь!"

И свадьба продолжалась сорок дней, а на сорок первый день устроили шествие невесты, и перед ней шли все эмиры и военные, и когда ее привели, Маруф стал рассыпать золото над головами людей. И царевне устроили великолепное шествие, и Маруф истратил очень значительные деньги, и его ввели к царевне, и он сел на высокое кресло. И опустили занавески, и заперли двери, и все вышли и оставили его у невесты, и тогда он начал бить рукой об руку и просидел некоторое время печальный, ударяя ладонью об ладонь и говоря: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого". – "О господин мой, да будешь ты здоров, почему это ты озабочен?" спросила царевна. И Маруф сказал: "Как мне не быть озабоченным, когда твой отец меня расстроил и сделал со мной такое дело, как будто сжег зеленый посев". – "А что с тобой сделал мой отец, скажи мне?" – спросила царевна. И Маруф ответил: "Он ввел меня к тебе раньше, чем прибыла моя поклажа, а я хотел иметь самое меньшее сто драгоценных камней, чтобы раздать их твоим невольницам, каждой по одному камню, чтобы они радовались и говорили: "Мой господин дал мне камешек в ночь, когда вошел к своей госпоже". И этот поступок служил бы для возвышения твоего сана и увеличения почета тебе. Я не перестану раздавать камни, так как у меня их много".

"Не заботься об этом и не огорчайся по этой причине, – сказала царевна. – Что касается меня, то тебе от меня ничего не будет плохого, так как я подожду, пока придет твоя поклажа, а что касается невольниц, то тебе от них тоже ничего не будет. Вставай, сними с себя одежду и доставь себе наслаждение, а когда придет твоя поклажа, мы получим эти камни и другое".

И Маруф поднялся и, сняв с себя одежду, сел на постель, и принялся дразнить жену, и начались заигрыванья, и он положил ей руку на ногу, а она села к нему на колени и вложила губы ему в рот, и был это тот час, когда забывает человек отца и мать.

И Маруф обнял жену, и прижал ее к себе, я стал мять ее в объятьях, и прижал ее к груди, и сосал ей губы, пока из них не потек мед. Он положил ей руку под левую подмышку, и ее члены, как и его члены устремились к сближению, и тогда он ударил ее между грудями, и она оказалась меж его бедрами, и он опоясал ее ногами, и испробовал оба способа, и закричал: "О отец двух покрывал!" И он вложил заряд, и зажег фитиль, и, нацелившись по компасу, приложил огонь, и сбил башню со всех четырех столбов, и была это загадка, о которой не спрашивают, и девушка вскрикнула криком, который неизбежен..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто четвертая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка вскрикнула криком, который неизбежен, купец Маруф уничтожил ее девственность, я была это ночь, которая не идет в счет ночей жизни, так как она заключает сближение с прекрасными, объятия, и игры, и сосанье, и пронзание до утра.

А потом Маруф сходил в баню и надел платье из платьев царей и, выйдя из бани, пришел в диван царя, и те, кто был там, встали ради него на ноги и встретили его с уважением и почетом, поздравляя его, и призывали на него благословение.

И Маруф сел рядом с царем и спросил: "Где казначей?" И ему оказали: "Вот он, перед тобой". И Маруф молвил: "Поддай почетные одежды и одень всех везирей, и эмиров, и обладателей должностей!" И казначей принес ему все, что он потребовал, и Маруф сидел, и давал каждому, кто к нему приходил, и одаривал всякого человека, смотря по его сану.

И он провел таким образом двадцать дней, и у него не обнаружилось ни поклажи, ни чего-нибудь другого, и казначей почувствовал из-за него величайшее стеснение.

И он вошел к царю в отсутствие Маруфа (а царь сидел с одним только везирем, больше ни с кем), и поцеловал перед ним землю и сказал: "О царь времени, я тебе кое-что расскажу, так как ты, может быть, будешь меня упрекать за то, что я тебе этого не рассказал. Знай же, что казна опустела, и там не осталось денег, кроме малого количества, я через десять дней мы ее запрем пустой". – "О везирь, – сказал царь, – поклажа моего зятя задержалась, и о ней нет вестей". И везирь захохотал и сказал: "Да будет Аллах к тебе милостив, о царь времени! Ты слишком прост для дел этого плута и лгуна! Клянусь жизнью твоей головы, у него нет ни поклажи, ни чумы, которая освободила бы нас от него, и он с тобой плутовал, пока не погубил твои деньги и не женился на твоей дочери даром. До каких пор ты будешь беспечен с этим лгуном?" – "О везирь, – сказал царь, – как сделать, чтобы узнать истинное положение дел?" И везирь сказал: "О царь времени, не проведает тайны мужчины никто, кроме его жены. Пошли за твоей дочерью, чтобы она пришла за занавеску, и я спрошу ее об истинном положении. Пусть она расспросит Маруфа и осведомит нас об его обстоятельствах". – "В этом нет дурного, – сказал царь, – клянусь жизнью моей головы, если будет установлено, что он плут и лгун, я убью его наихудшим образом".

И затем он взял везиря и, придя с ним в приемную комнату, послал за своей дочерью, и она пришла за занавеску (а это было в отсутствие ее мужа) и, придя, сказала: "О батюшка, что ты хочешь?" – "Поговори с везирем", – сказал царь. И царевна спросила: "О везирь, что тебе?" И везирь молвил: "О госпожа, знай, что твой муж погубил деньги твоего отца и женился на тебе без приданого. Он все время обещает нам и не исполняет обещаний, и об его поклаже не обнаружилось сведений, а в общем мы хотим, чтобы ты рассказала нам про него".

И царевна сказала: "Его речи многочисленны, и он все время приходит и обещает мне драгоценные камни, сокровища и дорогие материи, но я ничего этого не вижу". – "О госпожа, – спросил везирь, – можешь ли ты сегодня ночью завязать с ним разговор и сказать ему: "Расскажи мне правду и не бойся ничего. Ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Расскажи мне истину об этом деле, и я придумаю для тебя план, который тебя спасет". И затем отдаляйся и приближайся к нему в разговоре, покажи ему любовь и допроси его, а после этого расскажи нам истину о его деле". – "О батюшка, – ответила царевна, – я знаю, как мне его испытать".

И затем она ушла, а после ужина к ней, по обычаю, вошел ее муж Маруф, и она поднялась к нему, и взяла его под мышки, и стала его обманывать великими обманами (а достаточно с тебя обманов женщин, когда у них есть до мужчин какая-нибудь нужда, которую они хотят исполнить!), и до тех пор обманывала его и ласкала словами слаще меда, пока не украла его разума.

И когда она увидела, что Маруф склонился к ней вполне, она сказала: "О прохлада моего глаза, о плод моей души, да не заставит меня Аллах тосковать без тебя и да не разлучит время нас с тобою. Любовь к тебе поселилась в моем сердце, и огонь страсти к тебе сжег мою печень, я не будет никогда с тобой допущена крайность. Я хочу, чтобы ты рассказал мне истину, так как ухищрения лжи бесполезны и не все время удаются. До каких пор будешь ты плутовать и лгать моему отцу? Я боюсь, что твое дело станет ему ясно, прежде чем мы придумаем для него хитрость, и он тебя схватит. Расскажи же мне правду, и тебе будет лишь то, что тебя радует. Когда ты расскажешь мне истину об этом деле, не бойся ничего дурного. Сколько ты еще будешь утверждать, что ты купец и обладатель денег и у тебя есть поклажа? Прошло уже долгое время, как ты говоришь: "Моя поклажа, моя поклажа", – и нет о твоей поклаже вестей, и на твоём лице видна забота по этой причине. Если в твоих словах нет правды, расскажи мне, и я придумаю тебе план, который тебя освободит, если захочет Аллах". – "О госпожа, – ответил Маруф, – я расскажу тебе правду, и что желаешь, то и сделай". – "Говори и будь правдив, – сказала царевна, – ибо правда – корабль спасения, и берегись лжи, ибо ложь позорит солгавшего. От Аллаха дар того, кто сказал:

Правдивым будь, хотя б тебя истина

Сожгла потом огнями горящими.

Ищи Аллаха милости. Всех глупей

Гневящий бога, чтоб угодить рабам".

"О госпожа, – сказал Маруф, – знай, что я не купец и нет у меня ни поклажи, ни жгучей чумы. Я был в моей стране башмачником, и у меня есть жена по имени Фатима, ведьма, и у меня с ней случилось то-то и то-то".

И он рассказал ей всю историю с начала до конца, и царевна засмеялась и сказала: "Ты искусен в ремесле лжи и плутовства". – "О госпожа, – сказал Маруф, – да сохранит тебя Аллах великий, чтобы прикрывать пороки и рассеивать горести". И царевна молвила: "Знай, что ты сплутал с моим отцом и обманул его своим великим бахвальством, так что он выдал меня за тебя из жадности, а затем ты погубил его деньги, и везирь подозревает тебя из-за этого. Сколько раз он разговаривал о тебе с моим отцом и говорил ему: "Это плут и лгун". Но отец не слушался его в том, что он ему говорил, по той причине, что везирь за меня посватался, но я не согласилась, чтобы он был мне мужем, а я была его женой. Но затем время продлилось, и мой отец почувствовал стеснение и сказал мне: "Допроси его". И я тебя допросила, и открылось закрытое. Мой отец твердо решил повредить тебе по этой причине, но ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Если я расскажу моему отцу эту историю, он утвердится в мнении, что ты плут и лгун, и сплутал с царской дочерью, и погубил его деньги. Твой грех у него не будет прощен, и он убьет тебя без сомнения, – и среди людей распространится молва, что я вышла замуж за плута и лгуна, и это будет позором для моего достоинства. А когда мой отец убьет тебя, ему, может быть, понадобится выдать меня за другого, а это дело, на которое я не соглашусь, хотя бы я умерла. Но, однако, вставай теперь и надень одежду невольника и возьми с собой пятьдесят тысяч динаров из моих денег. Садись на коня и поезжай в страну, где власть моего отца не действует, и сделайся там купцом. Напиши мне письмо и пришли его с гонцом, который придет ко мне тайно, чтобы я знала, в какой ты стране, и могла бы посылать тебе все, до чего достанет моя рука, и твое богатство бы увеличилось. Если мой отец умрет, я пошлю за тобой, и ты приедешь во славе и почете, а если умрешь ты или умру я и буду взята к милости Аллаха великого, то воскресение из мертвых соединит нас, – и вот правильное решение. Пока ты здоров и я здорова, я не лишу тебя писем и денег. Поднимись же, прежде чем взойдет день, и ты будешь в затруднении, и окружит тебя гибель".

"О госпожа, – сказал Маруф, – я под твоим покровительством и хочу, чтобы ты простилась со мной сближением". – "Это неплохо", – сказала царевна. И Маруф сблизился с ней, а потом совершил омовение и, надев одежду невольника, приказал конюхам оседлать коня из резвых коней. И ему оседлали коня, и тогда он простился с царевной, и вышел из города в конце ночи, и поехал, и всякий, кто его видел, думал, что это невольник из невольников султана, который едет, чтобы исполнить какоенибудь дело.

А когда наступило утро, отец девушки вместе с везирем пришел в комнату, где сидят, и отец девушки послал за ней и, когда она пришла за занавеску, спросил ее: "О дочка, что скажешь?" И царевна ответила: "Я скажу: да очернит Аллах лицо твоего везиря, – у него было

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

желание очернить мое лицо перед мужем". – "А как так?" – спросил царь. И она сказала: "Мой муж пришел ко мне вчера, и, раньше чем я сказала ему эти слова, вдруг вошел ко мне Фарадж-евнух с письмом в руке и сказал: "Десять невольников стоят под окном дворца, и они мне дали это письмо и сказали: "Поцелуй за нас руки Сиди Маруфа, купца, и отдай ему это письмо. Мы из невольников, которые идут с его поклажей, и до нас дошло, что он женился на царевне, и мы пришли ему рассказать, что с нами случилось по дороге".

И я взяла письмо, и прочитала его, и увидела в нем: "От пятисот невольников к его достоинству, нашему господину, купцу Маруфу. А затем вот о чем мы осведомяем тебя: после того как ты от нас уехал, на нас напали кочевники и вступили с нами в бой, и их было тысячи две всадников, а нас – пятьсот невольников. У нас произошел с кочевниками великий бой, и они не дали нам идти по дороге, и прошло тридцать дней, и мы все воюем с ними. Вот причина нашей задержки..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.